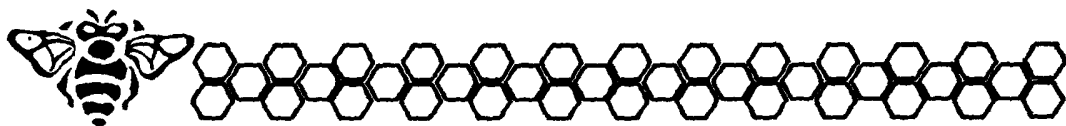

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Отделение литературы и языка
Пушкинская комиссия

А. С. Пушкин

ИСТОРИЯ ПЕТРА

Составление, подготовка текста,
предисловие и комментарии
В. С. Листова

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

ББК 83.3(2Рос=Рус)1
П 91

*Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)
в рамках конкурса «Пушкинист»*

Научный редактор:
профессор, д. и. н. А. Д. Степанский

Пушкин А. С.

П 91

История Петра / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. В. С. Листова. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 392 с. – (Studia philologica).

ISBN 5-88766-062-7

В книге воспроизведены пушкинские конспекты первых 9-ти томов 30-томника «История Петра Великого...» И. И. Голикова. Эти конспекты А. С. Пушкин вел в 1834–1835 гг. Археографическое оформление издания включает не только сверку пушкинского текста с автографом, но и предпринимаемое впервые разделение лексики Пушкина и лексики голиковского оригинала. Этим изданием существенно углубляется понимание самого длинного автографа писателя и расширяются словарь и словник его языка. Книга снабжена предисловиями и комментариями.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

В оформлении обложки использованы:

- Гравюра неизвестного немецкого художника «Большой пожар в городе Петербурге в 1737 г.»
- «Портрет молодого Петра I», художник Ян Веникс, 1697 г.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© В. С. Листов. Составление, подготовка текста, предисловие, комментарии, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

В. С. Листов	
«ИСТОРИЯ ПЕТРА» В БИОГРАФИИ	
И ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА	7
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	
(О тексте пушкинской «Истории Петра»)	43
<ИСТОРИЯ ПЕТРА	
Подготовительные тексты>	57
КОММЕНТАРИИ	315

«ИСТОРИЯ ПЕТРА» В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

Творчество Пушкина как историка царствования Петра I привлекает внимание читателей и исследователей на протяжении многих лет. Образ монарха-реформатора, известный по художественным произведениям («Полтава», повесть о царском арапе, «Пир Петра Первого» и др.), дополняется в творчестве Пушкина научно-исторической прозой, публицистикой, конспектами, анекдотами, записями бесед поэта с современниками. Такой обширный и разнообразный материал создаёт в пушкинском мире некое идейное и тематическое пространство, условно называемое — «Пушкин и Пётр».

В этом пространстве подготовительным материалам к «Истории Петра» принадлежит особое, ни с чем не сравнимое место. Читатель, обратившись к пушкинским конспектам, испытывает двойственное чувство: с одной стороны — ощущаются напряжение и острый смысл классической прозы, а с другой — всё тонет в бездне конкретных фактов, не всегда значительных и не каждый раз толкуемых автором. Это чередование впечатлений точно выразил А. Т. Твардовский, под 5 января 1958 года записавший в своей рабочей тетради: «Читал “Историю Петра” Пушкина — чудесные тезисы, огромный объём материала, бездна деталей, имён, географии и прочего. Читаю как будто на неизвестном языке — что понятно, а что и непонятно по незнанию, но всё же интересно и удивительно»¹.

Между тем у «чудесных тезисов» Пушкина — своя история, свой неповторимо особенный путь к читателю.

1.

Взгляды Пушкина на историю Петра складывались в первой трети XIX века, когда наука о прошлом в России ещё не полностью выделилась из общей, синкретической области искусств и гуманитарных наук. Границы между исторической наукой, художественной литературой, этнографией, политической экономией, страноведением, фольклористикой, религиоведением и т. д. — ещё были размыты, неотчётливы. Уже одно это не позволяет судить об историческом профессионализме Пушкина, пользуясь современной терминологией. Кроме того, ретроспективно направленная мысль Пушкина выявляется не только (и даже не столько) в «Истории Петра» и других специально-исторических трудах («История

Пугачева», «История Украины», «Заметки по русской истории XVIII века» и др.), сколько во всём корпусе его прозаических и поэтических произведений, публицистики, писем. Своё понимание векового пути России Пушкин выразил, в основном, в образной, художественной форме. Исторические знания и исторические ощущения поэта «растворены» в тех же красках, которыми писаны стихи, повести, драматические опыты.

Понимание образной природы наследия Пушкина-историка необходимо для его изучения.

По указанным причинам в творчестве Пушкина вряд ли следует искать некую систематическую и последовательную концепцию истории Петра Великого. Это скорее область общечеловеческих страстей, чувствований и характеров, иногда более, а иногда менее погруженных в обстоятельства прошлого. Довольно ясно черты пушкинского историзма определены П. А. Вяземским в статье «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина»:

«В Пушкине было верное понимание истории: свойство, которым одарены не все историки. Принадлежностями ума его были: ясность, пронизательность и трезвость. Он был чужд всех систематических, искусственно составленных руководств; не только он им был чужд, он был им враждебен. Он не писал бы картин по мерке и объёму рам, заранее изготовленных, как то часто делают новейшие историки, для удобного вложения в них событий и лиц, предстоящих изображению. Он не историю воплощал бы в себя и в свою современность, а себя перенёс бы в историю и в минувшее. Он не задал бы себе уроком и обязанностью во что бы то ни стало либеральничать в истории и философничать умозрительными анахронизмами.

Пушкин был впечатлителен и чуток на впечатления; он был одарён воображением и, так сказать, самоотвержением личности своей настолько, что мог отрешать себя от присущего и воссоздавать минувшее, уживаться с ним, породниться с лицами, событиями, нравами, порядками, давным-давно замененными новыми поколениями, новыми порядками, новым общественным и гражданским строем. Все эти качества — необходимые для историка, и Пушкин обладал ими в достаточной мере»².

Взгляды Пушкина на историю Петра эволюционировали вместе с общественной позицией поэта — от молодого либерализма к гуманной разновидности легитимизма, к глубокому осознанию традиционных моральных ценностей.

Подход поэта к раннему материалу петербургского периода отечественной истории во многом определяется хронологической близостью событий; Пушкин сознаёт, что современная ему жизнь протекает в условиях, заданных XVIII веком, реформами Петра и Екатерины II. Это сравнительно недавнее прошлое; его нравы и быт сохранились во многих чертах и на протяжении первых десятилетий XIX века. Письменные источники дополняются живыми свидетельствами людей старшего

поколения, самого Петра I, конечно, не заставших, но несших с собою живую традицию дедов и отцов. Пушкин особенно ценил устные воспоминания отца и дяди, рассказы Н. К. Загряжской, И. И. Дмитриева, П. А. Ганнибала, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина и др.

Образ XVIII столетия складывался у Пушкина в основном по источникам (письменным и устным), т. к. русская историография предшествующего века была представлена лишь несколькими именами — Н. М. Карамзин, И. И. Голиков, Я. Я. Штелин, Д. Н. Бантыш-Каменский, М. М. Щербатов, Феофан Прокопович, В. Г. Рубан, П. И. Рычков и многие другие.

Историческая оценка Петра I и его реформ прошла в сознании Пушкина несколько этапов. В «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) молодой свобододолюбивый автор признавал необходимость преобразований и «выгоды просвещения». Вместе с тем Пушкин отметил, что следствием реформ стали разделение нации на простой «народ» и «бритых бояр», а также «схоластический педантизм» бюрократии. Не позднее середины 20-х годов поэт уже хорошо знаком с основными реалиями петровской поры, что даёт ему обширный материал как для художественного осмысления эпохи, так и для строго исторических суждений.

Рубежными для пушкинского понимания XVIII века стали события 1825—1826 гг., когда после поражения декабристов император Николай I начал насаждать культ Петра I и рассматривать собственное царствование как продолжение дел великого реформатора. На протяжении нескольких лет Пушкин поддерживал «игру» царя с петровским наследием, что нашло своё отражение в стихотворениях «Стансы» (1826), «Друзьям» (1828), в неоконченном романе о царском арапе (1827) и других произведениях.

Однако уже к концу 20-х годов отношение поэта к Петру I сильно удалилось от официальной апологетики. Оценивая через век результаты петровских преобразований, Пушкин всё более акцентирует внимание на современном засилии чиновничества, противопоставляет свои и карамзинские патриархально-дворянские идеалы бюрократической системе, возникшей в начале XVIII века. Поэт сочувственно относится к попытке правительства провести антикрепостнические и антибюрократические реформы, понимает их как корректировку крайностей петровского переворота. В письме к П. А. Вяземскому (1830) Пушкин давал оценку проекту манифеста, подготовленного секретным комитетом, работавшим с декабря 1826 года: «Государь уезжая оставил в Москве проект новой организации, контр-революции революции Петра. Вот тебе случай писать политический памфлет, и даже его напечатать, ибо правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы» (XIV, 69).

Провал этих реформ в связи с польским восстанием 1830—1831 гг. усложнил отношения Пушкина с правительством, усилил критическую составляющую в воззрениях на Петра и его преобразования.

Во всём корпусе пушкинских текстов и высказываний можно условно наметить три основных, тесно друг с другом связанных русла интереса поэта к петровской теме: история преобразований, характер и биография Петра I, судьба личности в условиях социального переворота в конце XVII — начале XVIII столетия.

Образ России, поднятой «на дыбы», обобщает представления Пушкина о реформах Петра. Но долготелее изучение исторических реалий дало Пушкину глубокое знание внутренних связей, подробностей эпохи. В рабочих тетрадях он не ограничил своё внимание художественно эффектными темами — стрелецкие бунты, сражения, строительство Петербурга, казни мятежников, придворная жизнь и т. д. Здесь отражены коренные вопросы политической и социально-экономической истории, законодательство, становление системы государственных учреждений.

Одним из важнейших актов царствования Петра I Пушкин считал указ о единонаследии 1714 г. («Указ о майоратстве»), уравнивший в имущественных и служебных правах вотчинников и дворян. В прекращении действия этого указа при Петре III и Екатерине II поэт видел причину раздробления имений между неслужащими наследниками, что вело к общему упадку дворянского сословия. Этот взгляд Пушкина ясно выражен в «Романе в письмах» и других произведениях.

В тех же рабочих тетрадях прослежены основные вехи перехода от приказов Московского царства к новой системе центральных органов управления — коллегиям, подробно изложены вопросы имущественного права, торговли, строительства армии и флота, прослежены шаги российской дипломатии, перемены в быту всех сословий и т. д. Особое место занимает здесь и история русской православной церкви, в частности уничтожение патриаршества и создание духовной коллегии — Синода.

Обобщая свои впечатления от работы над петровским законодательством, Пушкин отметил: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые жестоки, **своенравны и, кажется, писаны кнутом**. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика» (см. наст. издание, с. 285).

Пушкин хорошо знал тёмные стороны правления Петра I (массовые казни, гибель людей на строительстве Петербурга, дело царевича Алексея, интриги и пьянство при дворе и т. д.), но тем не менее находился под обаянием крупной, державной личности первого российского императора. Образ Петра особенно выигрывал на фоне его преемников,